

Лесса Каури

ПРИНЦЕССА
ИЗ ОДНОГО
МЕСТА

Москва
T8 RUGRAM
2021

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
К30

Лесса Каури

К30 Принцесса из одного места / Лесса Каури. — М.: Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 324 с.

ISBN 978-5-521-91163-9

Самыйсокс — классический образец провинциального городка с патриархальным сонным укладом. Его Величество Отис Кармодонский недаром сослал именно сюда непослушную дочь, лишив ее столичных развлечений.

У принцессы Альвины прескверный характер. В городке ей скучно, и она веселится, как может, то изводя тетушку, у которой проживает, то являясь в неподобающем виде на балы и приемы, которые устраивает местный сюзерен — герцог Ананакс, то бегая по окрестностям наперегонки с ветром и вопреки всем запретам.

Но ситуация меняется после возвращения с чужбины герцогского сына Онтарио. И становится еще запутаннее, когда в Самыйсоксе останавливается кортеж Его Высочества Стича Неверийского, приглашенного в столицу Кармодона на празднование Дня рождения короля Отиса.

BIC FM
BISACFIC009000

© Лесса Каури, текст, 2021
© Ирина Толочко (tsir), иллюстрация
на обложке, 2021

ISBN 978-5-521-91163-9 © Т8 Издательские технологии, 2021

А любимый папенька, желаю тебе здравствовать до потери памяти и столько же лет править! Городок Самыйсокс, в который ты меня отправил в наказание за то, что я нацепила твою церемониальную корону на борова Паксуса, вполне себе тепленькое место. (Кстати, не я виновата, что Паксус сбежал из свинарника и носился по дворцовому двору, не сняв корону!). Здесь свежий воздух, вкусная еда, отличный само... самородина. Местные аристократки прелестны, как бабочки, умны, как пробки и громкоголосы, как воробьи на зимнем кусте. Как мы и договаривались (собственно, говорил только ты) спешу сообщить тебе, как прошел мой вчерашний день. Я проснулась поздно, потому что здесь не надо вскакивать ни свет, ни заря, как в столице, чтобы сделать прическу а-ля мадам Отцвелихризантемэ. Любой пучок, который я наверху на макушке, воспринимается местными барышнями последним пискom моды, и повторяется уже через полчаса после того, как я покажусь им на глаза.

Я оделась и отправилась завтракать. Кстати, кушать здесь можно, совершенно не заботясь о фигуре, поскольку у местных жителей в чести дамы скорее округлые, чем вытянутые. То, что в столице считается ожирением, здесь воспринимают прямым указанием на здоровье обладательницы. Чем толще дева и ее окружности, тем лучше! В связи с этим у меня совершенно нет проблем

с местными молодыми людьми. Они меня, во-первых, боятся, потому что я — твоя дочь, а во-вторых, я не в их вкусе, потому что, по их мнению, худышка. Иногда мне кажется, будь на моем месте Паксус, они получили бы большее эстетическое наслаждение, глядя на него, чем на меня.

После завтрака я изображала пастушку гусей. Магистратский художник, господин Перенос (правильнее будет называть его Красный нос), изъявил желание нарисовать мой портрет для городской галереи, и я не стала отказывать. Ты всегда говорил, цитирую: «Надо уважать чаяния подданных, в бога душу мать их!»

Итак, в полотняном рубище и босая, припевая местный хит: «А я шла-шла-шла, мужика нашла», я бегала за гусями, но в основном от них, по полю, а милейший Красный нос пытался набросать сие действо на полотне размером с пододеяльник. Он обещал, что на картине одеяние будет преисполнено прелести, моя поза — достоинства, а гуси — понимания важности момента. Полагаю, что так оно и будет, иначе ты прикажешь отрубить ему сначала руки, а потом и голову.

После художественного сеанса я пообедала (как ты помнишь, ни в чем себе не отказывая) и почитала местную газету. Из колонки новостей я узнала, что в псарне герцога Ананакса появились чудесные щенки, цитирую, от «прелестной суки и настоящего охотника» (интересно, о ком это?). Из колонки рекламы — о том, что гостевой дом «Переночуйка» открыт круглосуточно, имеет отличную кухню, постели без блох и клопов, и купальню с водой (а бывают купальни без?). А из экономического обзора, что ты опять повысил налоги, и народ, естественно, этому рад. Затем я вздремнула, после чего

стала собираться на один из многочисленных местных балов.

О, папенька, балы в Самыйсоксе — это отдельная тема! Их устраивают все, кому не лень, и иногда даже судятся друг с другом из-за того, кто первый объявил бал в конкретный день и конкретное время. Дабы избежать кровопролития, местный сюзерен, герцог Ананакс (это тот, у которого прелестная сука переспала с настоящим охотником), объявил, чтобы в начале года ему подавали график увеселений. Изменения в него вносит сам Ананакс и только по очень уважительной причине. Как раз сегодня он внес очередное изменение, сдвинув бал в честь шестнадцатилетия дочери одного из маркизов, и объявив собственный — посвященный рождению щенков. Обещают, что на балу появится герцогский сын Онтарио Ананакс, который обучался за границей, а теперь вернулся домой. Местные девахи, округлые и не очень, ждут молодого человека с дрожжами от нетерпения... коленками (а ты что подумал?), надеясь сделать выгодную партию. Они мне уже все уши прожужжали о нем. Мол, это симпатичный и воспитанный молодой человек, из которого выйдет отличный супруг для девушки, которая знает, чего хочет в этой жизни. Ах, папенька, мне жаль, что дожив до двадцати лет, я так и не поняла, чего же хочу, кроме нового платица?..»

На этой фразе в комнате раздался оглушительный треск — это сломалась столешница от удара кулака Его Величества Отиса Третьего.

— Зайка, так нельзя, — проворчала от окна мать Его Величества — вдовствующая королева Миневра, — пожалей свои нервы!

— Мама, какие нервы с такой дочерью? — мученически спросил Отис. — У меня не осталось ни нервов, ни почек, ни печени!

— Не сваливай на ребенка вред, причиненный твоему организму алкоголем, — невозмутимо заметила королева и звякнула спицами — она вязала салфеточку под ночную вазу. — Лучше скажи мне, ответил ли согласием наш возлюбленный друг, король Неверии Панч Первый на твое предложение женить его сына на нашей девочке?

— Пока нет, — буркнул Отис и, поморщившись, продолжил читать вслух: — «Вчерашний бал был по обыкновению скучен, ведь на нем не было «выгодной партии». Гости много ели и еще больше пили, сплетничали друг о друге, танцевали... Ты знаешь, я говорю всем, что у меня после травмы в детстве деревянная нога, понимаешь, как-то неудобно отказывать юношам, которых отцы заставляют приглашать меня на танец только потому, что я — твоя дочь. А так они сами отвали... отказываются, просят прощения за беспокойство и уходят счастливые. Папенька, ты это имел в виду, когда говорил, что правитель должен делать свой народ счастливым? Если да — тогда я истинно твоя дочь и умница, правда?»

— Деревянная нога? — оторвалась от вязания Миневра. — Как это мило!

— О, боже, боже... — простонал Его Величество и снова взглянул на письмо. — «К завтрашнему балу все девушки потребовали новые платья, поэтому местные швеи и белошвейки сбились с ног, забыв не только о еде, сне, но и об естественных нуждах. Мне нет причины беспокоиться, поскольку еще четыре сундука

с платьями, привезенными из столицы, стоят нераспечатанными. Но, честно говоря, я подумываю надеть что-то совсем простое, например, рубище, в котором позировала Красному носу...».

— Надеюсь, там не очень глубокое декольте? — осведомилась Ее Величество.

Отис зарычал и зажевал уголок письма.

— Зайка, вынь бяку изо рта и возьми себя в руки! — укорила мать.

Зайка послушно выплюнул письмо, дрожащей рукой расправил его на колене и продолжил:

— «Вот, думаю, брать ли с собой на бал гусей в качестве антуража? Бабушка (поцелуй ее от меня) однозначно сказала бы: «Да!», а ты как думаешь?»

— Альвина, мое солнышко! — расплылась в улыбке вдовствующая королева.

— «В общем, вечер был скучен. Ужинать (ни в чем себе не отказывая) я не стала — в меня больше не лезло. Вернувшись домой, я умылась и легла спать, надеясь утром встать пораньше, чтобы написать тебе это письмо и отправить фельдъегерской почтой. Твой поверенный, дядюшка Кевинс, очень мил. Он всегда приходит в одно и то же время, выполняя твое указание забирать у меня ежедневные отчеты о поведении. Если когда-нибудь его найдут мертвым в канаве — не вздумай думать на меня! На сем прощаюсь, мой грозный повелитель и любимый папенька. Не забудь еще раз поцеловать бабушку». Постскрипtum: «Как думаешь, может, взять на бал не гусей, а овец? Они такие милые... Твоя дочь, принцесса Кармодона Альвина».

Его Величество бросил письмо на стол и отер пот со лба.

— Девочка отлично проводит время, — заметила Ми-невра, — гуляет на свежем воздухе, хорошо питается, веселится.

— Ну, если это можно так назвать, — с сомнением протянул Отис, поднялся, подошел к матери и поцеловал ее в щеку. — Это от Альви, мама... — А потом в дружую: — А это от меня!

Королева-мать нежно потрепала его по макушке:

— Иди, Оти, поуправляй государством немного. Пожалуй, сегодня за обедом я тоже не стану себе ни в чем отказывать!

* * *

На Неверию наступала осень. Войска ее туч взяли в окружение небо над столицей, а косые дожди топтали землю, как настоящие захватчики. Глядя в окно, Его Величество Панч Первый тяжело вздыхал и отпивал из бокала подогретое вино — по дворцу лазутчиками разгуливали сквозняки.

— Ты хотел меня видеть, отец? — раздался приятный голос.

Король обернулся. В дверях стоял его сын — Стич. Высокий, темноволосый юноша с резкими чертами лицами, которые выдавали как породу, так и темперамент. Породой принц пошел в отца, а темпераментом — в мать. И в этом была проблема. Большая проблема.

— Ты подумал? — спросил Его Величество.

— Нет, — честно ответил принц. В его темных глазах плескалась безмятежность.

Бокал в королевской руке дрогнул.

— Ее Величество — моя мать, говорит, что претендентки чудовищны, — продолжил принц, — и среди них нет ни одной, достойной меня.

Король со стуком поставил бокал на подоконник и вернулся к столу.

— Для меня это не аргумент, сын, — сказал он, усаживаясь в кресло и раскладывая перед собой то, что на первый взгляд казалось колодой карт. — Ее Величество всегда относилась к браку... легкомысленно. Если бы на ее пути не попался настойчивый я, она не вышла бы замуж и до сих пор. Подойди.

Принц подошел. Его Величество бросил на сына короткий взгляд.

— В последние дни ты против обыкновения молчалив, мой мальчик. Что-то случилось?

Молодой человек пожал плечами.

— Ты поставил меня перед нелегким выбором, отец. Я раздумываю.

— Ты?! — изумился король. — Раздумываешь? Господи, Стич, неужели я, наконец, дождался твоего взросления?

— Вряд ли... — смутился принц.

Его Величество помрачнел и указал на «карты».

— Вот портреты претенденток. Докажи мне, что они тебя недостойны.

— Я не буду этого делать, — качнул головой Стич.

— Это еще почему? — возмутился король.

— Злословить — нехорошо, — в черных глазах принца запрыгали озорные бесенята.

— Сынок, ты не заболел? Я тебя прямо не узнаю. Подойди, я проверю, нет ли у тебя жара!

— У нашего сына нет жара, Ваше Величество, муж мой, — раздался от двери глубокий сильный голос. Вошедшая женщина была вызывающе красива. Черные глаза блестели, темная грива распущенных волос падала на высокий ворот алого платья. — Просто ты совсем запугал его необходимостью женитьбы. Позволь, я докажу тебе, что эти... дурочки не достойны нашего сына.

— Ты подслушивала, Алара? — с подозрением осведомился король.

— Конечно, милый, — улыбнулась королева, подходя к столу, — а как же иначе, ведь речь идет о будущем нашего мальчика. Вот эта, — она ткнула пальцем в первую картинку, — похожа на жену мясника. Я не могу представить ее лицо и корону вместе. Эта — слишком бледная, ресницы опущены. У нее очень много переживаний. Если переживать станет не из-за чего, уверяю тебя, она их себе выдумает, чем испортит жизнь и себе, и Стичу. Эта — распутна...

— Да? — Его Величество взгляделся в картинку с интересом.

Королева дернула его за ухо и продолжила:

— Эта — глупа, как солонка. Та — откровенно уродлива. И, заметь, это самые знатные девушки нашего королевства! Как видишь, выбирать не из кого, если, конечно, ты не захочешь женить нашего сына на простолюдинке.

Глаза короля блеснули. Он полез во внутренний карман камзола, достал еще одну «карту» и, положив на стол, провозгласил:

— Не захочу, любовь моя. Больше не будет никакого выбора — наш сын женится на этой девушке, хочет он того или нет!